

100 шедевров русской лирики

Коллектив авторов

100 шедевров русской лирики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5808438

ISBN 978-1-387-66261-6

Аннотация

«100 шедевров русской лирики» – это уникальный сборник, в котором представлены сто лучших стихотворений замечательных русских поэтов, объединенных вечной темой любви.

Тут находятся знаменитые, а также талантливые, но малоизвестные образцы творчества Цветаевой, Блока, Гумилева, Брюсова, Волошина, Мережковского, Есенина, Некрасова, Лермонтова, Тютчева, Надсона, Пушкина и других выдающихся мастеров слова.

Книга поможет читателю признаться в своих чувствах, воскресить в памяти былые светлые минуты, лицезреть многогранность переживаний человеческого сердца, понять разницу между женским и мужским восприятием любви, подарит вдохновение для написания собственных лирических творений.

Сборник предназначен для влюбленных и романтиков всех возрастов.

Содержание

Анненский Иннокентий Фёдорович (1855–1909)	5
Среди миров, в мерцании светил...	5
Небо звездами в тумане не расцветится...	6
Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942)	7
Я люблю тебя больше, чем Море, и Небо, и Пение...	7
«Люби!» – поют шуршащие березы...	8
Она пришла ко мне, молчащая, как ночь...	9
Баратынский Евгений Абрамович (1800–1844)	10
Она	10
Когда, дитя и страсти и сомненья...	11
О, верь: ты, нежная, дороже славы мне...	12
Белый Андрей (1880–1934)	13
Был тихий час. У ног шумел прибой...	13
Далёкая, родная...	14
Блок Александр Александрович (1880–1921)	15
Одной тебе, тебе одной...	15
Она молода и прекрасна была...	16
Я помню нежность ваших плеч...	17
Прошли года, но ты – все та же...	18
Скрипка стонет под горой...	19
Так окрыленно, так напевно...	20
Я не звал тебя – сама ты...	21

Грустя и плача и смеясь...	22
Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924)	23
Из письма	23
Женщине	24
Я люблю...	25
Волошин Максимилиан Александрович (1877–1932)	26
В эту ночь я буду лампадой...	26
Любовь твоя жаждет так много...	27
Вяземский Петр Андреевич (1792–1878)	28
Любить. Молиться. Петь...	28
Моя вечерняя звезда...	29
Григорьев Аполлон Александрович (1822–1864)	30
Твои движенья гибкие...	30
Я ее не люблю, не люблю...	32
Есенин Сергей Александрович (1895–1925)	33
Я помню, любимая, помню...	33
Заметался пожар голубой...	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

100 шедевров русской лирики

**Анненский Иннокентий
Фёдорович (1855–1909)**

Среди миров, в мерцании светил...

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.
И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

Небо звездами в тумане не расцветится...

Небо звездами в тумане не расцветится
Робкий вечер их сегодня не зажег...
Только томные по окнам елки светятся,
Да, кружась, замечает нас снежок.
Меж ресниц твоих снежинки закидавшие
Не дают тебе в глаза мои смотреть,
Сами слезы, только сердца не сжигавшие,
Сами звезды, но уставшие гореть...
Это их любви безумною обидою
Против воли твои звезды залиты...
И мучительно снежинкам я завидую,
Потому что ими плачешь ты...

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942)

Я люблю тебя больше, чем Море, и Небо, и Пение...

Я люблю тебя больше, чем Море, и Небо, и Пение,
Я люблю тебя дольше, чем дней мне дано на земле.
Ты одна мне горишь, как звезда в тишине отдаления,
Ты корабль, что не тонет ни в снах, ни в волнах, ни во
мгле.

Я тебя полюбил неожиданно, сразу, нечаянно,
Я тебя увидал – как слепой вдруг расширит глаза
И, прозрев, поразится, что в мире изваянность спаяна,
Что избыточно вниз, в изумруд, излилась бирюза.
Помню. Книгу раскрыв, ты чуть-чуть шелестела
страницами.

Я спросил: «Хорошо, что в душе преломляется лед?»
Ты блеснула ко мне, вмиг узревшими дали, зеницами.
И люблю – и любовь – о любви – для любимой – поэт.

«Люби!» – поют шуршащие березы...

«Люби!» – поют шуршащие березы,
Когда на них сережки расцвели.
«Люби!» – поет сирень в цветной пыли.
«Люби! Люби!» – поют, пылая, розы.
Страшись безлюбья. И беги угрозы
Бесстрастия. Твой полдень вмиг – вдали.
Твою зарю теченья зорь сожгли.
Люби любовь. Люби огонь и грезы.
Кто не любил, не выполнил закон,
Которым в мире движутся созвездья,
Которым так прекрасен небосклон.
Он в каждом часе слышит мертвый звон.
Ему никак не избежать возмездья.
Кто любит, счастлив. Пусть хоть распят он.

Она пришла ко мне, молчащая, как ночь...

Она пришла ко мне, молчащая, как ночь,
Глядящая, как ночь, фиалками-очами,
Где росы кроткие звездились лучами,
Она пришла ко мне – такая же точь-в-точь,
Как тиховейная, как вкрадчивая ночь.
Ее единый взгляд проник до глубины тайной
Где в зеркале немом – мое другое я,
И я – как лик ея, она – как тень моя,
Мы молча смотримся в затон необычайный,
Горящий звездностью, бездонностью и тайной.

Баратынский Евгений Абрамович (1800–1844)

Она

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами – с душой;
Есть что-то в ней над сердцем самовластной
Земной любви и прелести земной.
Как сладкое душе воспоминанье,
Как милый свет родной звезды твоей,
Какое-то влечет очарованье
К ее ногам и под защиту к ней.
Когда ты с ней, мечты твоей неясной
Неясною владычицей она:
Не мыслишь ты – и только лишь прекрасной
Присутствием душа твоя полна.
Бредешь ль ты дорогою возвратной,
С ней разлучась, в пустынный угол твой —
Ты полон весь мечтою необъятной,
Ты полон весь таинственной тоской.

Когда, дитя и страсти и сомненья...

Когда, дитя и страсти и сомненья,
Поэт взглянул глубоко на тебя, —
Решилась ты делить его волненья,
В нём таинство печали полюбя.
Ты, смелая и кроткая, со мною
В мой дикий ад сошла рука с рукою, —
Рай зрела в нём чудесная любовь.
О, сколько раз к тебе, святой и нежной,
Я приникал главой моей мятежной,
С тобой себе и небу веря вновь.

О, верь: ты, нежная, дороже славы мне...

О, верь: ты, нежная, дороже славы мне.
Скажу ль? мне иногда докучно вдохновенье:
Мешает мне его волненье
Дышать любовью в тишине!
Я сердце предаю сердечному союзу:
Приди, мечты мои рассей,
Ласкай, ласкай меня, о друг души моей!
И покори себе бунтующую музу.

Белый Андрей (1880–1934)

Был тихий час. У ног шумел прибой...

Был тихий час. У ног шумел прибой.
Ты улыбнулась, молвив на прощанье:
«Мы встретимся... До нового свиданья...»
То был обман. И знали мы с тобой,
что навсегда в тот вечер мы прощались.
Пунцовым пламенем зарделись небеса.
На корабле надулись паруса.
Над морем крики чаек раздавались.
Я вдаль смотрел, щемящей грусти полн.
Мелькал корабль, с зарею уплывавший
среди нежных, изумрудно-пенных волн,
как лебедь белый, крылья распластавший.
И вот его в безбрежность унесло.
На фоне неба бледно-золотистом
вдруг облако туманное взошло
и запылало ярким аметистом.

Далёкая, родная...

Далёкая, родная,
Жди меня...
Далекая, родная:
Буду – я...
Твои глаза мне станут
Две звезды.
Тебе в тумане глянут —
Две звезды.
Мы в дали отстояний —
Поглядим;
И дали отстояний —
Станут: дым.
Меж нами, вспыхнувшими, —
Лепет лет...
Меж нами, вспыхнувшими,
Светит свет.

Блок Александр Александрович (1880–1921)

Одной тебе, тебе одной...

Одной тебе, тебе одной,
Любви и счастья царице,
Тебе прекрасной, молодой
Все жизни лучшие страницы!
Ни верный друг, ни брат, ни мать
Не знают друга, брата, сына,
Одна лишь можешь ты понять
Души неясную кручину.
Ты, ты одна, о, страсть моя,
Моя любовь, моя царица!
Во тьме ночной душа твоя
Блестит, как дальняя зарница.

Она молода и прекрасна была...

Она молода и прекрасна была
И чистой мадонной осталась,
Как зеркало речки спокойной, светла.
Как сердце мое разрывалось!..
Она беззаботна, как синяя даль,
Как лебедь уснувший, казалась;
Кто знает, быть может, была и печаль...
Как сердце мое разрывалось!..
Когда же мне пела она про любовь,
То песня в душе отзывалась,
Но страсти не ведала пылкая кровь...
Как сердце мое разрывалось!..

Я помню нежность ваших плеч...

Я помню нежность ваших плеч
Они застенчивы и чутки.
И лаской прерванную речь,
Вдруг, после болтовни и шутки.
Волос червонную руду
И голоса грудные звуки.
Сирени темной в час разлуки
Пятиконечную звезду.
И то, что больше и странней:
Из вихря музыки и света —
Взор, полный долгого привета,
И тайна верности... твоей.

Прошли года, но ты – все та же...

Прошли года, но ты – все та же:
Строга, прекрасна и ясна;
Лишь волосы немного глаже,
И в них сверкает седина.
А я – склонен над грудой книжной,
Высокий, сгорбленный старик,—
С одною думой непостижной
Смотрю на твой спокойный лик.
Да. Нас года не изменили.
Живем и дышим, как тогда,
И, вспоминая, сохранили те баснословные года...
Их светлый пепел – в длинной урне.
Наш светлый дух – в лазурной мгле.
И все чудесней, все лазурней—
Дышать прошедшим на земле.

Скрипка стонет под горой...

Скрипка стонет под горой.
В сонном парке вечер длинный,
Вечер длинный – Лик Невинный,
Образ девушки со мной.
Скрипки стон неутомимый
Напевает мне: «Живи...»
Образ девушки любимой —
Повесть ласковой любви.

Так окрыленно, так напевно...

Так окрыленно, так напевно
Царевна пела о весне.
И я сказал: «Смотри, царевна,
Ты будешь плакать обо мне».
Но руки мне легли на плечи,
И прозвучало: «Нет. Прости.
Возьми свой меч. Готовься к сече.
Я сохраню тебя в пути.
Иди, иди, вернёшься молод
И долгу верен своему.
Я сохраню мой лёд и холод,
Замкнусь в хрустальном терему.
И будет радость в долгих взорах,
И тихо протекут года.
Вкруг замка будет вечный шорох,
Во рву – прозрачная вода...
Да, я готова к поздней встрече,
Навстречу руки протяну
Тебе, несущему из сечи
На острие копья – весну».
Даль опустила синий полог
Над замком, башней и тобой.
Прости, царевна. Путь мой долог.
Иду за огненной весной.

Я не звал тебя – сама ты...

Я не звал тебя – сама ты
Подошла.
Каждый вечер – запах мяты,
Месяц узкий и щербатый,
Тишь и мгла.
Словно месяц встал из далей,
Ты пришла
В ткани легкой, без сандалий.
За плечами трепетали
Два крыла.
На траве, едва примятой,
Легкий след.
Свежий запах дикой мяты,
Неживой, голубоватый
Ночи свет.
И живу с тобою рядом,
Как во сне.
И живу под бледным взглядом
Долгой ночи,
Словно месяц там, над садом,
Смотрит в очи
Тишине.

Грустя и плача и смеясь...

Грустя и плача и смеясь,
Звонят ручки моих стихов
У ног твоих,
И каждый стих
Бежит, плетет живую вязь,
Своих не зная берегов.
Но сквозь хрустальные струи
Ты далека мне, как была...
Поют и плачут хрустали...
Как мне создать черты твои,
Чтоб ты прийти ко мне могла
Из очарованной дали?

Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924)

Из письма

Милый, прости, что хочу повторять
Прежних влюбленных обеты.
Речи знакомые – новы опять,
Если любовью согреты.
Милый, я знаю: ты любишь меня,
И об одном все моления,—
Жить, умереть, это счастье храня,
Светлой любви уверенья.
Милый, но если и новой любви
Ты посвятишь свои грезы,
В воспоминаниях счастьем живи,
Мне же оставь наши слезы.
Пусть для тебя эта юная даль
Будет прекрасной, как ныне.
Мне же, мой милый, тогда и печаль
Станет заветной святыней.

Женщине

Ты – женщина, ты – книга между книг,
Ты – свёрнутый, запечатлённый свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый стих.
Ты – женщина, ты – ведьмовский напиток!
Он жжёт огнём, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.
Ты – женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звёздной,
Ты – в наших безднах образ божества!
Мы для тебя влечём ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся – от века – на тебя!

Я люблю...

Я люблю тебя и небо, только небо и тебя,
Я живу двойной любовью, жизнью я дышу, любя.
В светлом небе – бесконечность: бесконечность милых
глаз.
В светлом взоре – беспредельность: небо, явленное в нас.
Я смотрю в пространства неба, небом взор мой поглощен.
Я смотрю в глаза: в них та же даль – пространств и даль
времен.
Бездна взора, бездна неба! я, как лебедь на волнах,
Меж двойною бездной рею, отражен в своих мечтах.
Так, заброшены на землю, к небу всходим мы, любя...
Я люблю тебя и небо, только небо и тебя.

Волошин Максимилиан Александрович (1877–1932)

В эту ночь я буду лампадой...

В эту ночь я буду лампадой
В нежных твоих руках...
Не разбей, не дыши, не падай
На каменных ступенях.
Неси меня осторожней
Сквозь мрак твоего дворца, —
Станут биться тревожней,
Глуше наши сердца...
В пещере твоих ладоней —
Маленький огонек —
Я буду пылать иконней...
Не ты ли меня зажег?

Любовь твоя жаждет так много...

Любовь твоя жаждет так много,
Рыдая, прося, упрекая...
Люби его молча и строго,
Люби его, медленно тая.
Свети ему пламенем белым —
Бездымно, безгрустно, безвольно.
Люби его радостно телом,
А сердцем люби его больно.
Пусть призрак, творимый любовью,
Лица не заслонит иного, —
Люби его с плотью и кровью —
Простого, живого, земного...
Храня его знак суеверно,
Не бойся врага в иноверце...
Люби его метко и верно —
Люби его в самое сердце!

Вяземский Петр Андреевич (1792–1878)

Любить. Молиться. Петь...

Любить. Молиться. Петь. Святое назначенье
Души, тоскующей в изгнании своем,
Святого таинства земное выраженье,
Предчувствие и скорбь о чем-то неземном,
Преданье темное о том, что было ясным,
И упование того, что будет вновь;
Души, настроенной к созвучию с прекрасным,
Три вечные струны: молитва, песнь, любовь!
Счастлив, кому дано познать отраду вашу,
Кто чашу радости и горькой скорби чашу
Благословлял всегда с любовью и мольбой
И песни внутренней был арфою живой!

Моя вечерняя звезда...

Моя вечерняя звезда,
Моя последняя любовь!
На потемневшие года
Приветный луч пролей ты вновь!
Средь юных, неводержных лет
Мы любим блеск и пыл огня;
Но полурадость, полусвет
Теперь отрадней для меня.

Григорьев Аполлон Александрович (1822–1864)

Твои движенья гибкие...

Твои движенья гибкие,
Твои кошачьи ласки,
То гневом, то улыбкою
Сверкающие глазки...
То лень в тебе небрежная,
То – прыг! поди лови!
И дышит речь мятежная
Всей жаждою любви.
Тревожная загадочность
И ледяная чинность,
То страсти лихорадочность,
То детская невинность,
То мягкий и ласкающий
Взгляд бархатный очей,
То холод ужасающий
Язвительных речей.
Любить тебя – мученье,
А не любить – так вдвое...
Капризное творение,

Я полон весь тобою,
Мятежная и страшная —
Морская ты волна,
Но ты, моя желанная,
Ты киской создана.
И пусть под нежной лапкою
Кошачьи когти скрыты —
А все ж тебя в охапку я
Схватил бы, хоть пищи ты...
Что хочешь, делай ты со мной,
Царапай лапкой больно,
У ног твоих я твой, я твой —
Ты киска — и довольно.
Готов я все мучения
Терпеть как в стары годы,
От гибкого творения
Из кошачьей породы.
Пусть вечно когти разгляжу,
Лишь подойду я близко.
Я по тебе с ума схожу,
Прелестный друг мой — киска!

Я ее не люблю, не люблю...

Я ее не люблю, не люблю...

Это – сила привычки случайной!

Но зачем же с тревогою тайной

На нее я смотрю, ее речи ловлю?

Что мне в них, в простодушных речах

Тихой девочки с женской улыбкой?

Что в задумчиво-робко смотрящих очах

Этой тени воздушной и гибкой?

Отчего же – и сам не пойму —

Мне при ней как-то сладко и больно,

Отчего трепещу я невольно,

Если руку ее на прощанье пожму?

Отчего на прозрачный румянец ланит

Я порою гляжу с непонятною злостью

И боюсь за воздушную гостью,

Что, как призрак, она улетит.

И спешу насмотреться, и жадно ловлю

Мелодически-милые, детские речи;

Отчего я боюсь и жду с нею встречи?..

Ведь ее не люблю я, клянусь, не люблю.

Есенин Сергей Александрович (1895–1925)

Я помню, любимая, помню...

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось.
Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней,
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.
Я помню, ты мне говорила:
«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».
Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.
И сердце, остыть не готовясь,
И грустно другую любя.
Как будто любимую повесть,

С другой вспоминает тебя.

Заметался пожар голубой...

Заметался пожар голубой,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.